
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BEARUSIAN HISTORY

УДК 378.662(476)

РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ВУЗЫ БЕЛАРУСИ В 1930–1936 гг.

А. Н. КУКСА¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет,
пр. Независимости, 65, 220053, г. Минск, Беларусь

Проанализированы основные направления реформирования высшего технического образования СССР в 1930-х гг. Отмечены особенности данного процесса в Беларуси. На основании впервые введенных в научный оборот архивных материалов раскрывается специфика развития высшей технической школы Беларуси на примере Белорусского государственного политехнического института (Минск) и Белорусского государственного механико-машиностроительного института (Гомель). Отмечается, что начальный период перестройки высшей школы в СССР на западноевропейских принципах показал свою несостоятельность. Огромные территории, масштабные проекты индустриализации и коллективизации требовали внимания не узкого специалиста, а инженера, способного решать сложные, комплексные проблемы. Сельскохозяйственное машиностроение уже в 1930 г. начало отказываться от применения западноевропейских образцов техники, так как в условиях создаваемых колхозов и совхозов они были малопродуктивными и неэффективными. Данные обстоятельства содействовали изменению концепции высшего образования, которая в 1932 г. сориентировалась на сохранение университетов, укрупнение вузов и специальностей. Проведенные реформы были закреплены Конституцией СССР 1936 г., что позволило высшей школе приобрести позитивные черты – общедоступность, демократичность и фундаментальность. Ликвидация в 1936 г. Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при СНК СССР и создание Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР означали завершение процесса построения высшей школы в СССР.

Образец цитирования:

Кукса АН. Реформа высшего образования и технические вузы Беларуси в 1930–1936 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;4:5–14.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-5-14>

For citation:

Kuksa AN. Reform of higher education and technical universities of Belarus in 1930–1936. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;4:5–14. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-5-14>

Автор:

Александр Николаевич Кукса – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Alexander N. Kuksa, PhD (history), docent; head of the department of history, faculty of management technologies and humanitarisation.
akuksa@bntu.by
<https://orcid.org/0000-0003-3385-3096>

Ключевые слова: высшая техническая школа; Белорусский государственный политехнический институт; Белорусский государственный механико-машиностроительный институт; строительный институт; энергетический институт; лесотехнический институт; химико-технологический институт.

РЭФОРМА ВЫШЭЙШАЙ АДУКАЦЫІ І ТЭХНІЧНЫЯ ВУНУ БЕЛАРУСІ ў 1930–1936 гг.

А. М. КУКСА^{1*}

¹⁾Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 65, 220053, г. Мінск, Беларусь

Прааналізаваны асноўныя напрамкі рэфармавання вышэйшай тэхнічнай адукацыі СССР у 1930-я гг. Адзначаны асаблівасці дадзенага працэсу ў Беларусі. На падставе ўпершыню ўведзеных у навуковы абарот архіўных матэрыялаў раскрываецца спецыфіка развіцця вышэйшай тэхнічнай школы Беларусі на прыкладзе Беларускага дзяржаўнага політэхнічнага інстытута (Мінск) і Беларускага дзяржаўнага механіка-машынабудаўнічага інстытута (Гомель). Адзначана, што кароткі перыяд перабудовы вышэйшай школы ў СССР на заходнееўрапейскіх прынцыпах паказаў сваю няслушнасць. Вялізныя тэрыторыі, маштабныя праекты індустрыялізацыі і калектывізацыі патрабавалі ўвагі не вузкага спецыяліста, а інжынера, здольнага вырашаць складаныя, комплексныя праблемы. Сельскагаспадарчае машынабудаванне ўжо ў 1930 г. пачало адмаўляцца ад прымянення заходнееўрапейскіх узораў тэхнікі, бо ва ўмовах калгасаў і саўгасаў яны былі малапрадукцыйнымі і неэфектыўнымі. Гэтыя абставіны садзейнічалі змене канцэпцыі вышэйшай адукацыі, якая ў 1932 г. зарыентавалася на захаванне ўніверсітэтаў, узбудаванне вышэйшых навучальных устаноў і спецыяльнасцей. Праведзеныя рэформы былі замацаваны Канстытуцыяй СССР 1936 г., што дазволіла вышэйшай школе набыць пазітыўныя рысы – агульнадаступнасць, дэмакратычнасць і фундаментальнасць. Ліквідацыя ў 1936 г. Усесаюзнага камітэта па вышэйшай тэхнічнай адукацыі пры СНК СССР і стварэнне Усесаюзнага камітэта па справах вышэйшай школы пры СНК СССР азначалі завяршэнне працэсу пабудовы вышэйшай школы ў СССР.

Ключавыя словы: вышэйшая тэхнічная школа; Беларускі дзяржаўны політэхнічны інстытут; Беларускі дзяржаўны механіка-машынабудаўнічы інстытут; будаўнічы інстытут; энергетычны інстытут; лесатэхнічны інстытут; хіміка-тэхналагічны інстытут.

REFORM OF HIGHER EDUCATION AND TECHNICAL UNIVERSITIES OF BELARUS IN 1930–1936

A. N. KUKSA^a

^aBelarusian National Technical University, 65 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220053, Belarus

The article presents the results of the analysis of the main directions of the reform of higher technical education of the USSR in the 1930s and their features in Belarus. On the basis of archival materials introduced into scientific circulation for the first time, the specifics of the development of the higher technical school of Belarus are revealed on the example of the Belarusian State Polytechnic Institute (Minsk) and the Belarusian State Mechanical Engineering Institute (Gomel). It is noted that the short period of restructuring of higher education on the principles of Western European approaches soon showed its inconsistency in the USSR. Huge territories, large-scale projects of industrialisation and collectivisation required not a narrow specialist, but an engineer capable of solving complex problems. Agricultural engineering already in 1930 began to abandon the use of Western European models of equipment, which, due to their orientation to the farmer in conditions of the huge size of collective farms and state farms, were unproductive and ineffective. These circumstances contributed to the change in the concept of higher education, which was oriented in 1932 to the consolidation of universities and specialties. The reforms carried out were enshrined in the USSR Constitution of 1936, which allowed the higher school to acquire those features that distinguished it in a favorable light in the world – accessibility, democracy and fundamentality. The liquidation of the All-Union Committee on Higher Technical Education in the same year and the creation of the All-Union Committee on Higher Education meant the completion of the process of building a higher school in the USSR.

Keywords: higher technical school; Belarusian State Polytechnic Institute; Belarusian State Mechanical Engineering Institute; construction institute; power engineering institute; forestry institute; chemical technology institute.

Тема образования в 1930-х гг. привлекает внимание многих исследователей. Большинство из них склонны высоко оценивать достижения советской школы тех лет на фоне мировых событий. Профес-

сор И. В. Волкова пишет о том, что советская школа 1930-х гг. была беспрецедентным явлением, благодаря ей удалось обучить миллионы людей. При чем она давала не только хорошее образование, но

и хорошее воспитание [1]. По мнению И. В. Волковой, с помощью реформ 1930-х гг. СССР удалось к 1936 г. создать оптимальную систему школьного и вузовского образования. То, что сформировался огромный пласт патриотически настроенных, выросших на основах единой государственной идеологии граждан своего Отечества, способствовало укреплению обороноспособности страны в условиях антисоветской системы международных отношений. Ведь именно в то время формировалась ось Берлин – Рим, был заключен антикоминтерновский пакт между Германией и Японией, состоялся Нюрнбергский съезд Национал-социалистической немецкой рабочей партии, где была озвучена программа завоевания жизненного пространства германской нацией.

Успехам советской системы образования предшествовал ряд проб и ошибок. По мнению М. В. Зелева, период реформирования технического образования в 1928–1929 гг. привел к катастрофическому падению качества подготовки инженеров [2]. Этой же позиции придерживается и А. К. Писанова, которая указывает, что только «с появлением в 1932–1936 годах важных партийных и государственных директивных документов, касающихся высшей школы, удалось выправить ситуацию после допущенных явных ошибок (появление множества слабых “карликовых” вузов, огромного числа узких специальностей, ослабление роли университетов и т. д.)» [3, с. 196]. Повышению качества образования в этот период, на взгляд А. С. Донченко и Т. Н. Самоловой, способствовало возвращение многих традиционных методов обучения и форм жизнедеятельности высшей школы [4]. И. П. Костенко, который задался вопросом о причинах катастрофического падения знаний по математике в 1920-х гг., пришел к выводу о том, что в ходе реформ 1930-х гг. произошла «реставрация, восстановление дореволюционной русской школы» [5, с. 26].

В белорусской историографии тема высшей технической школы затрагивалась вскользь в обобщающих работах. Вопросы же становления суверенной Республики Беларусь, которая должна была решать глобальные задачи по защите собственных интересов, значительно актуализировали изучение проблем, связанных с развитием национальной системы инженерного образования. Сегодня в белорусской историографии исследуются условия зарождения высшей технической школы [6], переосмысливаются итоги реформирования системы образования в 1920–30-х гг. [7] и анализируется эволюция влияния государства на данные процессы.

Наращиваемые темпы индустриализации и коллективизации страны, подгоняемые лозунгом: «Догнать и перегнать передовые капиталистические страны», – требовали наличия большого количества квалифицированных специалистов в области промышленности и сельского хозяйства. Мировой

экономический кризис 1929–1933 гг. создавал предпосылки для успешной реализации данной цели. Резкое падение уровня жизни в США и западноевропейских странах, огромный спрос на продукты питания и низкие цены на технику и технологии открывали двери перед странами с доминирующим аграрным укладом в капитализации собственной индустрии. Приток валюты, на которую закупались импортные техника, станки и технологии, спровоцировал грандиозное по масштабам промышленное строительство в СССР.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. в постановлении о подготовке технических кадров заострил внимание на необходимости немедленного расширения сети вузов нового типа с резко выраженной специализацией по определенным отраслям промышленности. В советских республиках начался процесс повсеместного дробления вузов и специальностей, что нередко заканчивалось реорганизацией или вовсе закрытием университетов. В отличие от общесоюзных тенденций университет в БССР был сохранен. Белорусский государственный политехнический институт (БГПИ) и Горецкая сельскохозяйственная академия были ликвидированы. В июле 1930 г. на их базе открылись десятки узкопрофильных технических и сельскохозяйственных институтов. На базе БГПИ был организован Белорусский государственный механико-машиностроительный институт (БГММИ), а также энергетический, химико-технологический и строительный институты. Однако спешность принятия решений, отсутствие материальной базы, дефицит кадров и подготовленных абитуриентов привели к неудаче образовательной реформы, которая начала реализовываться в Беларуси с 1930 г. В итоге пришлось спешно вносить существенные изменения, направленные на укрепление материальной базы, концентрацию профессорско-преподавательских сил и налаживание учебного процесса, что обусловило новый виток реформы системы образования в 1932 г. и создание Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при СНК СССР (далее – ВКВТО при СНК СССР).

Недовольство реформой высшей школы в 1928–1930 гг. наблюдалось во всех структурах, связанных с ее проведением. Во-первых, большую часть вузов изъяли из ведения комиссариата образования и передали в ведение профильных наркоматов. Последние уже изначально восприняли это как навязывание им чужой работы. Во-вторых, обязанности руководителей высшей школы стали выполнять отделы кадров соответствующих наркоматов, перед которыми поставили задачу с нуля организовать всю систему высшей технической школы: разработать учебные планы и программы, подобрать методическую и учебную литературу, оснастить кабинеты и лаборатории, выделить помещения, организовать практику, осуществлять контроль и нести

за все персональную ответственность. В-третьих, ввиду недостатка кадров наметилось поголовное совмещение. Преподаватели работали в нескольких вузах, наркоматах и предприятиях одновременно. Это спровоцировало огромную перегрузку. Некоторые преподаватели вместо 350–400 ч на ставку выполняли нагрузку в 1500–1800 ч. В-четвертых, произошел стремительный рост сети вузов и техникумов. Если в 1929 г. в БССР было четыре вуза, где остро чувствовался дефицит профессоров, то к концу 1930 г. таких вузов было уже более 20, а в 1932 г. – 26. При этом планировалось расширить образовательную систему до 32 вузов, 37 научно-исследовательских институтов и 130 техникумов. Для обеспечения процесса обучения имелось всего лишь 1156 научных работников, причем большинство из них работали по совместительству.

Из-за отсутствия достаточного количества квалифицированных инженерных кадров выполнение многих планов индустриализации и пятилетки стояло под вопросом. Повсеместно происходили срывы сроков, участились случаи травматизма и невыполнения поставленных задач. Требовалось срочно перестроить систему и начать работать по-новому. Для коренного изменения сложившейся ситуации И. В. Сталин 23 июня 1931 г. выступил на совещании, организованном ЦК ВКП(б) для представителей Высшего совета народного хозяйства СССР, Народного комитета снабжения СССР и хозяйственных организаций. Речь была опубликована в газете «Правда» 5 июля 1931 г. и известна в народе как шесть условий Сталина. Кроме требований, которые были явно нацелены на оптимизацию и активизацию трудового процесса, выделялись и те, которые были направлены на развитие высшей технической школы, например на создание собственной производственно-технической интеллигенции. За непродолжительное время реформы высшей школы 1930 г. сложилось мнение о ее ошибочности, а также о невозможности в сжатые сроки заполнить пустующую нишу технических кадров. В связи с этим в выступлении И. В. Сталина прозвучало условие о необходимости изменить отношение к инженерам старой школы, вылившееся в призыв смелее привлекать их к работе. В СССР были изданы брошюры и развернуто всесоюзное движение по внедрению требований И. В. Сталина.

Для выполнения задач по переналадке системы управления промышленным комплексом была проведена реорганизация Высшего совета народного хозяйства СССР на ряд местных отраслевых народных комиссариатов. Так, 15 января 1932 г. Высший совет народного хозяйства БССР был реорганизован в Народный комиссариат легкой промышлен-

ности БССР. Под непосредственным ведением комиссариата находились следующие научно-исследовательские и учебные учреждения Беларуси: курсы красных директоров, строительный институт, архитектурно-строительный и химико-технологически-строительный техникумы в Могилёве, текстильный и швейный техникумы в Витебске, спичечный техникум в Борисове, вечерний швейный техникум в Витебске, вечерний рабочий техникум в Минске, вечерний строительный техникум в Могилёве, вечерний спичечный техникум в Борисове, вечерний текстильный техникум в Витебске, рабфак при строительном институте, рабфак при химико-технологическом институте, вечерний рабфак при строительном институте, вечерний рабфак при химико-технологическом институте в Минске и вечерний рабфак при строительном институте в Жлобине. Научно-исследовательский институт промышленности и Белорусский государственный химико-технологический институт находились под непосредственным ведомством Народного комиссариата легкой промышленности БССР.

В январе 1932 г. в Беларуси произошла смена руководства. Политбюро ВКП(б), рассмотрев вопрос о секретаре ЦК КП(б)Б, 23 января 1932 г. приняло решение отозвать К. В. Гея для работы в Москве. На его место первым секретарем ЦК КП(б)Б был рекомендован Н. Ф. Гикало, который освобождался от работы в Московском городском комитете¹. Таким образом, вместо К. В. Гея, активно проводившего реформу высшей школы 1930 г., которая была направлена на узкую специализацию вузов и втузов, первым секретарем ЦК КП(б)Б был назначен Н. Ф. Гикало. В наследие он получил огромное количество нерешенных проблем высшей школы, низкое качество учебного процесса, отсутствие материально-технической базы и т. д. Особенно неудовлетворительное положение отмечалось в перестройке преподавателей обществоведческих дисциплин высших и средних учебных заведений. Исходя из этого, например, секретариат Гомельского горкома КП(б)Б постановил: «...перестроить работу кафедр (вузов) и производственно-методических цикловых комиссий (техникумов, рабфаков, ФЗУ (фабрично-заводских учреждений. – А. К.)) под углом шести условий Сталина, обеспечив обществоведческим дисциплинам ведущую роль во всей работе учебного учреждения»².

В мае 1932 г. на совещании Политбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен вопрос о программе низшей, средней и высшей школы и школьном режиме, по которому выступили И. В. Сталин, нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов и начальник сектора отдела кадров Народного комиссариата тяжелой промышлен-

¹Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 864. Л. 5.

²Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5364. Л. 228.

ности СССР (далее – НКТП СССР) И. М. Москвин. Было решено создать комиссию во главе с председателем СНК СССР В. М. Молотовым для проверки программ низшей, средней и высшей школы и школьного режима в месячный срок. С этого времени вопросы реформирования системы образования рассматривались еще 16 и 25 августа 1932 г., причем на последнем совещании были приняты концептуальные решения. На новом этапе реформирования предлагалось отказаться от бригадно-лабораторного метода преподавания, усилить позиции историзма и внедрения материала, раскрывающего успехи социалистического строительства. Для повышения имиджа профессии предлагалось значительно повысить зарплату педагогов, организовать их санаторно-курортное оздоровление и разрешить прием детей учителей в вузы наравне с детьми рабочих. Для обеспечения достойного уровня поступающих в вузы политехническую семилетку предлагалось со временем преобразовать в десятилетку. Витавшее напряжение в системе высшей школы, которая так и не сумела подстроиться под основные направления и задачи реформы 1930 г., что отмечалось и производственниками, получило свое разрешение в сентябре 1932 г. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 16 сентября 1932 г. ключевыми мерами реформы высшей технической школы прописывались «комплектование втузов абитуриентами в итоге тщательной проверки знаний, повышение теоретического образования в вузах и укрепление связи с производством, разработка типовых уставов и образование Комитета по высшей технической школе»³.

Постановлением ВКП(б) в сентябре 1932 г. было санкционировано укрупнение вузов и увеличение сроков обучения до пяти лет. О том, что это решение было не спонтанным, а выработанным, в том числе самими вузами, свидетельствует и то, что еще в феврале 1932 г. директор БГММИ С. Г. Лысов на методической комиссии сообщил, что на совещании в Минске было определено, что ни один втуз не вложился в четырехлетний срок. «Нам необходимо добиваться всеми силами утверждения учебных планов, так как мы решили принять имеющийся первый вариант учебного плана с увеличением срока обучения на 4–5 месяцев, изменив количество часов по военному делу в тех пределах, которые требуются»⁴.

Правительство, правда, как следует из постановления ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме высшей школы и техникумов», волновало и то, что наметившееся повальное совместительство, которое усугублялось как низким

уровнем квалификации, так и большой текучестью кадров, ставило под угрозу выполнение идеологической и воспитательной функций высшей школой. При таком положении вещей от преподавателей, несущих функции «временщиков» и выполняющих огромную аудиторную нагрузку, в связи с чем бегающих из одного вуза в другой, требовать высокой миссии воспитателя и источника государственной идеи не представлялось возможным. В связи с этим в наркоматах прозвучал вопрос о необходимости закрепить за вузами постоянных работников, которые несли бы ответственность за качество учебного и воспитательного процессов. Исходя из этого, в упрек наркоматам ставилась политическая недооценка перестройки высшей школы и руководства ею. Отмечая в основном здоровое настроение студенческих и преподавательских масс, подчеркивалось, что среди них есть те, кто враждебно относится к мероприятиям партии и советской власти. В пример приводился ряд моментов, которые трактовались как проявление слабой политико-воспитательной работы среди студенчества⁵.

В Народный комиссариат просвещения СССР было представлено несколько проектов, разработчики которых намеревались объединить близкородственные институты: из семи втузов предлагалось создать три-четыре. Ход данных размышлений значительно подкорректировало постановление ЦИК СССР от 19 октября 1932 г., которым ставилась задача повысить уровень технического образования в вузах, втузах и техникумах при всемерном дальнейшем укреплении их связи с производством, повышении качества учебы и действительном поощрении инициативы и энергии каждого учащегося. Обеспечить выполнение данных посылов в пределах небольшой Беларуси было возможно только путем концентрации всех имеющихся ресурсов.

Параллельно в Москве во исполнение постановления СНК СССР от 22 февраля 1933 г. № 276 плановое управление ВКВТО при СНК СССР развернуло меры по формированию единой сети технических вузов СССР. Предложения белорусских комиссариатов были тщательно рассмотрены, но согласование прошло только одно из них – оставить БГММИ без изменений (хотя и звучали предложения усилить его Витебским машиностроительным техникумом и Белорусским государственным энергетическим институтом). По докладу планового управления от 14 марта 1933 г. о тотальном списке сети втузов изначально вызвал интерес вариант объединения БГММИ с Минским энергетическим институтом, однако после инспекторского обследования втузов

³РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 900. Л. 1.

⁴Гос. арх. Гомел. обл. (ГАГО). Ф. 431. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

⁵НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5572. Л. 162–167.

БССР от этого проекта отказались ввиду отсутствия в Гомеле собственного учебного здания⁶. ВКВТО при СНК СССР 20 марта 1933 г. принял решение, о котором 5 апреля 1933 г. было сообщено правительству БССР. После ознакомления на месте с учебными заведениями Минска и Горок «...возникло предложение о создании в Минске единого крупного индустриального института из строительного, энергетического, торфяного и водно-мелиоративного с переводом последнего в Минск. При проведении указанных мероприятий имелась бы концентрация сельскохозяйственного образования в Горках и инженерного – в Минске, сохранив при этом вузы Гомеля, Могилёва и Витебска»⁷. В итоге все минские вузы были объединены в Белорусский государственный политехнический институт.

Таким образом, в итоге реформы высшей школы 1932 г. в БССР осталось три технических вуза – БГПИ в Минске, БГММИ и Белорусский государственный лесотехнический институт (БЛТИ) в Гомеле. При этом осенний набор 1932 г. вузы Беларуси провалили. Повсеместно наблюдался недобор, связанный с огромным отсевом тех, кто не сумел пройти испытания, и тех, кто на них не явился. Для определения узловых проблем высшей школы и поиска путей их решения 20 июня 1933 г. в Минске прошло совещание представителей вузов и втузов. На совещании присутствовали А. А. Акулик, директор БГММИ, и С. Ю. Лысов, уже директор БГПИ. По итогам совещания 1 июля 1933 г. было принято Постановление секретариата ЦК КП(б)Б «О ходе реализации решений декабрьского пленума ЦК КП(б)Б по перестройке высшей школы, техникумов и о подготовке к 1933/1934 уч. г.»⁸. Этим же днем датируется и постановление об организации Белорусского государственного политехнического института.

В 1933–1936 гг. большую работу по развитию высшей технической школы провел ВКВТО при СНК СССР под руководством Г. М. Кржижановского. На основании Постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях» широко развернулась работа по подготовке научных кадров и преподавателей высшей школы не только в вузах, но и в научно-исследовательских институтах. Массово проводилась практика выдвиженчества студентов, которым с третьего курса устанавливали специальные доплаты с тем расчетом, что в дальнейшем они поступят в аспирантуру и будут заниматься наукой. СНК СССР определил ученые степени и звания для работников научных учреждений и вузов. К кон-

цу 1934 г. в вузах, институтах красной профессуры, институтах марксизма-ленинизма СССР готовилось 9400 аспирантов.

Однако кадровый голод в профессорско-преподавательских кадрах продолжал ощущаться в БССР, особенно в Гомеле, где после реорганизации высшей школы в 1933 г. сохранились три вуза (БЛТИ, БГММИ и Белорусский государственный высший педагогический институт), девять техникумов (железнодорожный, автомобильный, финансовый, медицинский, педагогический, инструкторский, общественного питания, строительных материалов и коневодства) и три рабфака. Отмечался уклон в сторону форсирования подготовки в БГММИ механизаторов сельского хозяйства по выпуску специалистов по эксплуатации сельскохозяйственных машин⁹. Но если обеспечение БЛТИ кадрами, учебными помещениями и лабораториями не вызывало нареканий, то положение БГММИ было плачевным. В целях успешного решения данной проблемы в 1933 г. был объявлен всесоюзный конкурс на преподавательские должности в БГММИ. Подводя итоги конкурса, администрация БГММИ указала на то, что «до мая месяца было подано около 200 заявлений, среди которых были известнейшие специалисты»¹⁰. В итоге были приглашены 12 специалистов из Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева и Одессы. Но из-за отсутствия квартир ни один из них не прибыл в Гомель.

С одной стороны, увеличение сроков обучения позволяло более качественно организовать учебный процесс, с другой стороны, перед директорами втузов возникла сложная и во многом непреодолимая проблема: с увеличением количества часов требовалось увеличить и количество кадров, которых на тот момент не хватало. По этой причине в БГММИ закрывались целые направления, а студенты выпускных курсов проходили обучение в вузах Москвы и Харькова¹¹.

Осенью 1933 г. директора БГММИ А. А. Акулика арестовали. В вину директору были поставлены отсутствие учебного здания, профессорско-преподавательского состава и «грубые извращения марксистско-ленинской теории со стороны ряда преподавателей»¹². В связи с этим 8 октября 1933 г. Гомельский ГК КП(б)Б постановил снять А. А. Акулика с должности за «развал работы института». ЦК КП(б)Б 28 ноября 1933 г. утвердил решение Гомельского ГК КП(б)Б о снятии А. А. Акулика. Новым директором БГММИ был назначен П. А. Балабанов. Его назначение совпало с новым витком центра-

⁶НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6196. Л. 108.

⁷Там же. Л. 107.

⁸Там же. Д. 6140. Л. 75.

⁹Там же. Л. 123–135.

¹⁰Там же. Д. 6860. Л. 364–370.

¹¹ГАГО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 40. Л. 76.

¹²НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6816. Л. 21.

лизации управления в высшей школе. Ранее принятые усилия по повышению ответственности администрации за реализацию возлагаемых на нее задач завершились оттеснением студенческих организаций от управления вузом. Администрации вузов стали представлять так называемые треугольники (директор, партком и профсоюз). Данный подход значительно усиливал роль административного аппарата, но позволял уйти от персональной ответственности.

Сентябрьская реформа 1932 г. сопровождалась рядом мероприятий, направленных на повышение качества обучения в высшей школе. Одним из таких инструментов должны были стать всесоюзные соревнования вузов и втузов, которые впервые были проведены уже в 1932/33 учебном году. В ходе смотра-конкурса обследовалась материально-техническая база, оценивалась степень обеспечения студентов общежитиями. Руководство вузов и втузов выделяло стипендии лучшим студентам, учебным группам и профессорам, а комиссариат образования предоставлял значительные суммы призовых на развитие вузов, занявших первые места. БГММИ включился во II Всесоюзные соревнования вузов и втузов с 1 декабря 1933 г.¹³ В плане выполнения конкурсных условий преподаватели посетили общежитие, была отремонтирована столовая, в январе 1934 г. были «...составлены учебные планы специальностей, проведено дополнительно 50 часов консультаций, организован кружок по математике, кабинет по деталям машин и социально-экономическим дисциплинам. Начата организация тепло-технической и электротехнической лабораторий. Приобретена вертикальная паровая машина, отремонтированы несколько двигателей и т. д.»¹⁴.

Участие в конкурсе подтолкнуло руководство БГММИ к разработке устава 3 марта 1934 г. В его первом пункте указывалось, что институт является высшим учебным и научным учреждением в области подготовки инженеров-механиков по механосборочному производству, по сельскохозяйственным машинам и по механизации сельского хозяйства. Основная цель института виделась в подготовке специалистов высшей квалификации, задачами которых выступали «овладение глубокими знаниями научных основ современной техники, знание системы советского хозяйства, его планирование и практическое знакомство с постановкой специализированных производств в условиях передовой техники»¹⁵.

При общесоюзной норме для вузов в 1125 студентов БГММИ в июле 1933 г. насчитывал всего 298 студентов, 29 преподавателей и 22 технических работника. Не имея собственного здания, институт временно занимал часть бывшего помещения правления Западной железной дороги и часть других городских помещений. Сроки строительства нового здания, определяемые к 1 мая и к 1 сентября 1933 г., были сорваны¹⁶. П. А. Балабанов 9 февраля 1934 г. обратился с письмом к секретарю горкома КПБ Я. В. Шафаренко, а также в Госплан СССР, СНК СССР и ЦК КП(б)Б. «Уже в этом году осенний набор может быть сорван из-за отсутствия даже одного квадратного метра площади для новых студентов, что поведет к уходу квалифицированных преподавателей, ведущих занятия на первом курсе из-за отсутствия нагрузки»¹⁷. Сетовал директор и на то, что факультет механизации сельского хозяйства не мог обеспечить полноценной подготовки квалифицированных кадров в связи с «отсутствием специалистов, машиноиспытательной станции, лабораторий и автотракторного парка»¹⁸.

В целях привлечения специалистов П. А. Балабанов вынужден был пойти на ряд хитростей, значительно повышая оклады приглашенным специалистам из Москвы. Это, естественно, обижало постоянных работников, которые в итоге увольнялись и писали жалобы в ЦК КП(б)Б. По итогам одной из таких жалоб прошла проверка работы БГММИ и приказом № 139(1064) по секретариату кадров НКТП СССР от 29 мая 1934 г. П. А. Балабанову был объявлен выговор за несоблюдение финансовой дисциплины¹⁹.

К этому времени наметились первые успехи в работе втуза. В 1934 г. силами преподавателей и студентов для завода «Гомсельмаш» была выполнена работа по конструированию и составлению монтажных чертежей сложной молотилки «Гильштейн». По проекту студентов Соловейчика и Лифшица была проведена установка местного крана на заводе «Пролетарий». Наметился рост профессорско-преподавательского состава, который уже «...состоял из 25 чел., из коих 1 профессор, 3 доцента, 16 ассистентов и 5 преподавателей с высшим образованием. По совместительству работали 12 преподавателей, из коих 5 профессоров, 5 доцентов и 2 ассистента»²⁰.

В то же время отсутствие внимания и поддержки со стороны НКТП СССР не позволяло БГММИ рассчитывать на какие-либо положительные сдвиги в решении вопросов с жильем и помещениями.

¹³ГАГО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

¹⁴Там же. Л. 6.

¹⁵Там же. Д. 20. Л. 19.

¹⁶НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7498. Л. 178.

¹⁷ГАГО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 20. Л. 54.

¹⁸НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7216. Л. 60.

¹⁹Там же. Л. 59.

²⁰ГАГО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 18. Л. 40.

В пятилетнем плане развития института П. А. Балабанов указывал на катастрофическое положение материальной базы. Кризис намечался к весне 1935 г., так как планировалось, что количество студентов достигнет 800 человек, при том что за предыдущие четыре года существования института было набрано всего 360 человек. Подводя итоги, П. А. Балабанов вынужден был констатировать безысходность сложившейся ситуации: «Институт не может оставаться «карликовым»»²¹. В резолюции по докладу П. А. Балабанова о выполнении решений ЦК КП(б)Б и горкома партком констатировал, что «материальная база института в существенном объеме не отвечает не только норме контингента института, т. е. 1125 чел., но и существующему контингенту»²².

На 20 сентября 1934 г. в Экономическом совете при СНК СССР был запланирован доклад П. А. Балабанова, в связи с чем в СНК БССР за подписью исполняющего обязанности директора Кухаренко была представлена следующая характеристика БГММИ: «...1933/1934 уч. г. являлся для ММИ годом освоения нового учебного корпуса, когда начали впервые создавать некоторые лаборатории, годом, когда старший курс начал освоение специальных дисциплин, годом разворачивания института. Однако отсутствие специалистов привело к переводу старших курсов в Москву в станкостроительный институт. ММИ переехал 15.01.1934 г. в сырое незавершенное помещение (в котором из-за отсутствия радиаторов поставлены голландские печи). На 1935 г. планировалось строительство третьего крыла учебного корпуса стоимостью 700 тысяч рублей»²³. В проекте постановления СНК БССР констатировалось, что, несмотря на ряд трудностей, набор был выполнен, но нормальных условий для проведения занятий не обеспечено. Исходя из этого, предлагалось председателю Госплана БССР М. С. Голендо, председателю Народного комиссариата финансов БССР А. И. Хацкевичу и председателю Народного комиссариата легкой промышленности БССР Свиридову «выделить средства в 1935 г. для учебного корпуса, уточнить объемы необходимых средств для Минского политехнического института»²⁴.

В стимулировании развития высшего технического образования большую роль сыграло постановление ЦК ВКП(б) о Новочеркасском индустриальном институте имени Серго Орджоникидзе от 6 октября 1934 г. В итоге выполнения решений этого документа коллектив института провел серьезную работу по обеспечению материально-технической базы, расширению учебно-методической и политико-воспитательной работы, улучшению жилищ-

но-бытовых условий студентов и росту контингента. Пример института был рассмотрен во всех вузах Беларуси. Так, в резолюции общего собрания БГММИ констатировалось, что такие же недостатки имелись и здесь. Дирекция не обеспечивала нормального хода учебного процесса, а партком не перестроил свою работу в соответствии с постановлениями XVII партсъезда. Было решено следующее: «...до октябрьской годовщины обеспечить институт квалифицированными научными работниками, составить к 1 ноября 1934 г. расписание, начать работу университета культуры, определить дисциплины на сессию и довести до октябрьских праздников к сведению студентов»²⁵.

Дух демократизма, присутствовавший при обсуждении по инициативе ВКП(б) проблем в Новочеркасском индустриальном институте имени Серго Орджоникидзе, подтолкнул студентов БГММИ написать письмо в редакцию газеты «Правда». В письме они сетовали на отсутствие постоянного штата преподавателей и тенденцию к уходу тех, кто еще остался. Указывая на сложные материально-бытовые условия, они подчеркивали, что данные администрации явно приукрашены. Так, по сведениям дирекции БГММИ, обед стоил 50–60 коп., а по информации студентов – от 70 коп. до 1 руб. «По карточкам студенты ничего, кроме хлеба, не получали. Промтоварами почти не обеспечивались (на 600 чел. отпустили три талона на пальто)»²⁶. Эти данные подтвердила и комиссия ЦК КП(б)Б в составе Николаева и Маклиса: «В общезжитии директор и заместитель по хозяйственной части не бывают, столовая плохая, кормят дорого (постный обед – 60 коп.). Предлагалось заменить директора Балабанова»²⁷.

Значительно затягивалась подготовка первого выпуска специалистов, что вызывало беспокойство студентов. В докладной записке студентов старших курсов, которые находились в БГММИ со дня его основания и пережили все невзгоды организационного периода, сообщалось, что «...систематическое невыполнение учебного плана вызвало удлинение срока обучения до 5 лет 8 месяцев. Нам осталось всего 7 месяцев теоретической учебы в стенах института, но администрацией не созданы нормальные условия для учебы. Наш курс состоит на 90 % из членов партии, являющихся первым выпуском БГММИ, который должен показать, что в условиях Белоруссии возможно готовить собственные кадры. На сегодняшний день это не обеспечено. В то же время директор Балабанов в рабочей газете за 23–24 сентября помещает статью (очковтирательскую и самоуспокаивающую)»²⁸.

²¹ГАГО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 32. Л. 39.

²²Гомельский гос. арх. общ. орган. (ГГАОО). Ф. 265. Оп. 2а. Д. 225. Л. 50.

²³НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7216. Л. 21.

²⁴Там же. Л. 36.

²⁵Там же. Д. 7405. Л. 4 об.

²⁶Там же. Д. 7216. Л. 42.

²⁷Там же. Д. 6720. Л. 1.

²⁸Там же. Д. 7216. Л. 25.

Трудности заставили П. А. Балабанова 28 ноября 1934 г. написать заявление об освобождении от должности. «Прошу дать мне возможность перейти на научную работу. Этот институт никакого отношения к моей специальности не имеет. После приезда из Москвы из экономического института красной профессуры я работал старшим научным работником АН и по совместительству в институте народного хозяйства, где вел курс и заведовал кафедрой экономики советской торговли. Семья моя в Минске, так как жена там работает»²⁹. Заявление, по всей видимости, было принято, так как уже с 1934 г. П. А. Балабанов числился доцентом Белорусского государственного института народного хозяйства, а в 1939–1940 гг. – его ректором.

Слухи о закрытии БГММИ после проверок, спровоцированных постановлением о Новочеркасском индустриальном институте имени Серго Орджоникидзе, особенно усилились после ухода П. А. Балабанова, на место которого никого не назначили. Ситуация несколько прояснилась 31 марта 1935 г., когда перед парткомом БГММИ выступил заведующий сектором Народного комиссариата местной промышленности БССР Ковалёв с информацией о закрытии института и организации на его базе факультета при БГПИ. Приняв это решение с воодушевлением, партком постановил командировать студентов старших курсов для окончания учебы в Харьков и Москву. Относительно остальных студентов планировалось следующее: «Просить ГК КП(б)Б, ЦК КП(б)Б и НКМП принять меры к быстрому решению вопроса о реорганизации института с тем, чтобы нормальные занятия начались с 1 сентября 1935 г.»³⁰. Таким образом, БГММИ, организованный из факультета БГПИ в 1930 г., вернулся в его состав 1 сентября 1935 г. в качестве механического факультета (после войны был разделен на механико-технологический и машиностроительный факультеты). В итоге данной реорганизации БГММИ в Беларуси осталось всего два втуза – БГПИ в Минске и БГЛТИ в Гомеле.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» перед вузами поставили задачу обеспечить подготовку высококвалифицированных, политически воспитанных, всесторонне развитых и культурных кадров, знаю-

щих и способных освоить новейшие достижения науки, использовать максимально все возможности техники и по-большевистски связать теорию с практикой, сочетать производственный опыт с наукой. Важную роль в этом процессе сыграло движение новаторов производства – стахановцев, которые вопреки установившимся стереотипам опрокидывали все старые технические нормы, что с новой остротой поставило вопрос о научной и учебной работе вузов.

Вскоре произошло и окончательное реформирование высшей технической школы. В 1936 г. был ликвидирован ВКВТО при СНК СССР, а руководство системой высшего образования было передано новому органу – Всесоюзному комитету по делам высшей школы при СНК СССР, председателем которого стал И. И. Межлаук. Эти изменения нашли законодательное закрепление и в Конституции СССР 1936 г.

Таким образом, в ходе первой пятилетки (1928–1932) произошел бурный рост технических вузов и была налажена массовая подготовка технических кадров. Однако чрезмерное дробление вузов привело к ряду негативных последствий. Проблемы с помещениями, кабинетами и лабораториями усилили распыление и так небольшого потенциала профессорско-преподавательских сил. В итоге на фоне заметного роста количественных показателей произошло резкое снижение качества подготовки специалистов. С учетом предыдущих ошибок в годы второй пятилетки (1933–1937) в системе высшей школы был внесен ряд изменений. В ходе реформы 1932 г. произошло укрупнение вузов и укрепление их материально-технической базы, наметились тенденции к разностороннему и гармоничному развитию, повышению качества выпускников, ориентированных на овладение передовыми достижениями науки и техники. В это время расходы на высшее образование в СССР увеличились в 2,5 раза по сравнению с первой пятилеткой. Значительно улучшилось материальное и бытовое обеспечение как студентов, так и преподавателей, повысилось качество обучения и возросло число студентов. Это способствовало также распространению сети вузов в пределах СССР. Так, если в Российской империи только примерно в 20 городах были вузы, то к концу второй пятилетки университеты и институты были открыты в более чем 100 городах всех республик СССР.

Библиографические ссылки

1. Волкова ИВ. Советская школа на путях подготовки к войне: переломный 1936 год. *Проблемы современного образования*. 2012;6:125–138.
2. Зелев МВ. Становление системы высшего и среднего технического образования в Среднем Поволжье в 1928–1932 гг. *Интеграция образования*. 2013;4(73):69–77.
3. Писанова АК. Модернизация высшей школы в советский период в российской историографии. *Известия ПГУПС*. 2013;1:194–199.

²⁹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7216. Л. 48.

³⁰ГТАОО. Ф. 265. Оп. 2а. Д. 305. Л. 1.

4. Донченко АС, Самоловова ТН. Реформирование высшей школы советского государства в декретах и постановлениях партии и правительства (1917–1938 гг.). *Вестник КрасГАУ*. 2014;10:229–235.
5. Костенко ИП. *Проблема качества математического образования в свете исторической ретроспективы*. Москва: РГУПС; 2013. 502 с.
6. Кукса АН. БСПИ: первый технический вуз Беларуси. *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова*. 2022;1:69–73.
7. Кукса АН. Возрождение втуза Беларуси и реформа высшей школы 1930 г. *Вышэйшая школа*. 2022;2:47–51.

References

1. Volkova IV. The Soviet schools in preparation for the Great Patriotic War: the critical year of 1936. *Problems of Modern Education*. 2012;6:125–138. Russian.
2. Zelev MV. The formation of the system of higher and secondary technical education in the Middle Volga, 1928–1932. *Integration of Education*. 2013;4(73):69–77. Russian.
3. Pisanova AK. [Modernisation of higher education in the Soviet period in Russian historiography]. *Proceedings of Petersburg Transport University*. 2013;1:194–199. Russian.
4. Donchenko AS, Samolovova TN. Reforming of the Soviet state higher educational establishment in the decrees and resolutions of the party and the government (1917–1938). *The Bulletin of KrasGAU*. 2014;10:229–235. Russian.
5. Kostenko IP. *Problema kachestva matematicheskogo obrazovaniya v svete istoricheskoi retrospektivy* [The problem of the quality of mathematical education in the light of historical retrospect]. Moscow: Rostov State Transport University; 2013. 502 p. Russian.
6. Kuksa AN. [BSPi: the first technical university of Belarus]. *Vesnik Magiljowskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja A. A. Kuljashova*. 2022;1:69–73. Russian.
7. Kuksa AN. [The revival of the Belarusian higher education institution and the form of higher education in 1930]. *Vyshjeshaja shkola*. 2022;2:47–51. Russian.

Статья поступила в редколлегию 31.05.2022.
Received by editorial board 31.05.2022.